

О ВЗАИМОСВЯЗЯХ РУССКОЙ И АРМЯНСКОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ

З. Ф. СЕМЕНОВА (Ленинград)

Для познания истории русского каменного зодчества большое значение имеет исследование взаимовлияний и связей с архитектурой соседних государств и народов. Это помогает раскрытию своеобразия русской архитектуры в различные периоды ее формирования и развития. Особый интерес в этом отношении представляют связи с культурой народов Закавказья и, в частности, с Арменией, которые изучены еще недостаточно. На эти связи обратили внимание исследователи в XIX в. О глубоком понимании русскими учеными значения взаимодействия искусства Древней Руси и Востока свидетельствуют материалы V археологического съезда в Тбилиси, 1881 г. Известны многие факты тесного общения Руси с культурой Закавказья¹, в основном в домонгольский период. Разносторонне рассмотрены и убедительно доказаны, например, культурные связи Владимиро-Суздальской Руси и Армении, в том числе и в монументальном зодчестве, при сохранении национального своеобразия памятников архитектуры².

В данной статье предпринята попытка связать с влиянием культуры Закавказья развитие необычных по композиции столпообразных храмов в русской архитектуре середины XVI в.

Вопрос происхождения храмов-башен поднимается не впервые. Широко известна теория И. Е. Забелина³, в которой строительство в камне восьмигранных «столпов» с шатрами объяснялось непосредственным воспроизведением традиционных приемов деревянного срубного зодчества. Однако исследованиями более позднего времени доказано, что версия о прямом воздействии традиций деревянного зодчества на композиционный замысел и формы в каменной русской архитектуре XVI в. не все объясняет.

Другая группа исследователей рассматривала появление новых форм в русском каменном зодчестве как результат иноземных воздействий. Так, например, известный исследователь I половины XIX в. И. М. Снегирев видел в архитектуре храмов XVI в. «причудливое смешение стилей мавританского, готического, ломбардского, индийского и византийского»⁴. Предположение о влиянии архитектуры Кавказа было

¹ В. Б. Бархударян. Армянские колонии в России и их роль в армяно-русских отношениях.—В сб.: Из истории вековой дружбы. Ереван, 1983; В. К. Восканян. Русско-армянские отношения в XV—нач. XVIII вв. и формирование русской ориентации армянского освободительного движения.—Там же; О. Х. Халпахчьян. Армяно-русские культурные отношения и их отражение в архитектуре. Ереван, 1957.

² О. Х. Халпахчьян. Культурные связи Владимиро-Суздальской Руси и Армении. М., 1977.

³ И. Е. Забелин. Русское искусство. Черты самобытности в древнерусском зодчестве. М., 1900.

⁴ И. М. Снегирев. Покровский-Троицкий собор. Памятники Московской древности. М., 1842.

выдвинуто И. В. Султановым⁵. На готику, как на источник вдохновения русских зодчих, создавших шатровые храмы, ссылались Л. В. Даль⁶, а позже А. И. Некрасов⁷. Аргументированные доводы о непременном взаимовлиянии форм деревянной и каменной архитектуры в историческом развитии высказал Ю. П. Спегальский⁸.

Таким образом, многолетняя дискуссия породила весьма обширную литературу, но вопрос о происхождении шатровых храмов-башен до сих пор остается одним из главных в истории русского зодчества. Заметим, что в основных известных работах, связанных с происхождением шатрового зодчества, все внимание было сосредоточено на новых формах «верха» храма. Соответственно и храмы получили название шатровых. Но термин этот требует уточнения.

Во-первых, форма покрытия не определяет тип храма. Шатер широко применялся в эпоху средневековья и в европейской архитектуре, и в архитектуре Закавказья, и в русском зодчестве более поздних периодов вне зависимости от объемно-пространственной композиции сооружения в целом. Справедливо замечено, что шатер, введенный в русскую архитектуру XVI в., представлялся людям того времени как своеобразно измененная форма купола⁹. И хотя острая динамичная форма шатров, венчающих храмы в рассматриваемый период, делала эту символику весьма условной, замена купола шатром, по сути дела, не видоизменяла тип храма. Но появление шатра на данном этапе развития русского зодчества неразрывно связано с необычной структурой сооружений, которые имели центрический план в форме многоугольника (восьмиугольника, шестиугольника и др.), равноконечного креста или круга. Следовательно, более точное определение нового типа храма, характерного для XVI в.,—храм центрический шатровый (или с шатровым «верхом»). Уточнение термина в данном случае конкретизирует направление поиска решения исследуемого вопроса.

Как известно, крестово-купольные сооружения предшествующего периода имели иную организацию пространства и не подготовили ни конструктивных, ни формальных приемов шатровой архитектуры. В летописях не сохранилось сведений, поясняющих появление типа башнеобразного храма, который в XVI в. применялся не только в виде самостоятельного сооружения, но и в качестве составного элемента многостолпной композиции. В истории русской архитектуры¹⁰ выделена эта своеобразная линия развития—от простого к более сложному. Рассматриваются три памятника—«Хутынский столп» (храм Григория Армянского), 1536 г., в монастыре Варлаама Хутынского под Новгородом; храм Иоанна Предтечи, 1529 г. (1547 г.), в селе Дьяково под Москвой, с более сложной пятистолпной композицией и храм Покрова, «что на рву» (Василия Блаженного), 1555—1560 гг., как завершающий цикл развития, с композицией из девяти «столпов». Однако, если хронологически последовательность развития определена достаточно точно, то

⁵ Н. Султанов. Русские шатровые церкви и их соотношение к грузино-армянским пирамидальным покрытиям.—Труды V археологического съезда в Тифлисе в 1881 г. М., 1887.

⁶ Л. В. Даль. Исторические исследования памятников русского зодчества.—Зодчий, 1873, № 1; 1875, №№ 11—12.

⁷ А. И. Некрасов. Очерки по истории древнерусского зодчества. М., 1937.

⁸ Ю. П. Спегальский. Каменное зодчество Пскова. Л., 1976.

⁹ История русского искусства, т. III. М., 1955.

¹⁰ Там же.

причины формирования необычного композиционного приёма не выявлены.

Появление в русской архитектуре многостолпных храмов, таких как храм в Дьякове и храм Покрова, «что на рву», нередко объясняется только возросшим мастерством зодчих. В соответствии с этим широко распространённым мнением композиция храма в Дьякове представляется как попытка воплощения идеи многостолпного сооружения перед строительством уникального памятника в Москве¹¹. Таким образом, сложность замысла девятистолпного Покровского храма рассматривается уже как результат эксперимента, как творческая удача русских мастеров-зодчих, одаренность которых была отмечена в летописи.

С позиций современного архитектурного творчества эти соображения, казалось бы, логичны и справедливы. Однако социальный заказ и объективные условия ставили мастерам достаточно жесткие рамки. Тем более, что исследуемые сооружения относятся к особой области строительства—культовому зодчеству, обусловленному религиозными догматами. Резкие изменения, происходившие в русской каменной архитектуре середины XVI в., должны были находиться в прямой связи с какими-то изменениями в самой религии. Поэтому отклонения от распространённых композиционных приёмов и форм покрытия нельзя рассматривать только как результат творческой инициативы архитекторов.

Тенденция к изменениям в религиозном ритуале русской православной церкви возникла, по-видимому, еще в конце XV в. в связи с падением Византии и с ослаблением прямых влияний константинопольских патриархов. В первой половине XVI в. одним из инициаторов изменений был митрополит Макарий, который, по мнению историков русской церкви, произвольно понимал идеалы первоначального христианства¹². Возможно, что вопрос о форме храмов, наряду с другими, подлежащими обсуждению, был вынесен на собор 1551 г. Но кроткий и мягкий по характеру Макарий не смог утвердить идеалы, которым следовал¹³. Функционирование этого собора, известного под названием «Стоглав», в свое время не нашло отражения в публикациях, а позже в 1667 г. официально предано забвению¹⁴. Однако можно попытаться по некоторым косвенным признакам проследить связь между этими событиями и церковным зодчеством.

Наименее ясен вопрос о причинах появления и распространения одностолпных храмов, среди которых «Хутынский столп» был не первым и уже достаточно развитым¹⁵. Сведения об этом храме до сих пор ограничивались описанием, а также изображением «столпа» на иконе Хутынского монастыря¹⁶. Ныне по археологическим раскопкам стало известно, что храм Григория Армянского в плане был восьмиуголь-

¹¹ М. А. Ильин, Русское шатровое зодчество. Памятники XVI в. М., 1980.

¹² В. Н. Бочкарев, Стоглав и история собора 1551 г. Историко-канонический очерк. Юхнов, 1906; К. Валишевский, Иван Грозный (1530—1584). М., 1912.

¹³ К. Валишевский, Указ. соч.; Н. Лебедев, Стоглавый собор.—Чтения в обществе любителей духовного просвещения. Ч. I., 1882.

¹⁴ К. Валишевский, Указ. соч.; Д. Стефанович, О Стоглаве. Его происхождение, редакции и состав. СПб., 1909.

¹⁵ Н. Н. Воронин, Хутынский столп 1535 г.—Советская археология, VIII, 1946.

¹⁶ П. Гусев, Новгород XVI в. по изображению на хутынской иконе «Видение икономары Тарасия».—Вестник истории и археологии, вып. XIII, 1900.

ним¹⁷. Известно также, что столпообразную форму и центрический план имели храмы, называемые «обетными», которые рассчитывались на посещение их малым количеством людей. Вопрос о происхождении этой формы храма требует особого исследования и остается пока открытым. Здесь уместно только заметить, что митрополит Макарий лично участвовал в освящении «Хутынского столпа» и что распространение подобного рода храмов было явно связано с нововведениями, которые пытался провести в жизнь этот видный деятель середины XVI в.

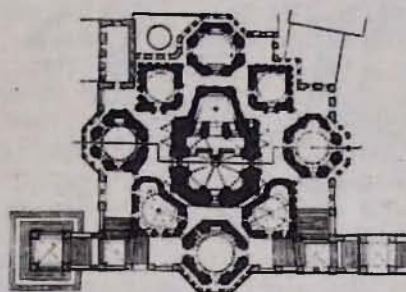
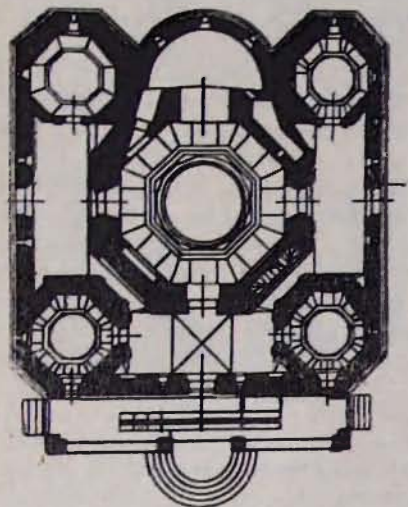

Рис. 1. План храма в селе Дьяково, 1529 г. (1547 г.). Рис. 2. План 1-го этажа храма Покрова, «что на рву», Москва, 1555—1560 гг.

Несколько больше можно сказать о многостолпных храмах. Существующий ныне храм Иоанна Предтечи в с. Дьяково неоднократно перестраивался. В частности, изменилась структура плана: в существующем виде план (рис. 1) подобен традиционному для Руси плану трехнефного византийского крестово-купольного храма, но с необычными восьмиугольными очертаниями помещений. Однако по некоторым деталям плана и по данным археологического исследования 1958—59 гг.¹⁸ можно утверждать, что первоначально было 5 обособленных восьмигранных храмов-башен, стоявших в центре и по углам квадрата, единого основания. Сходство с византийским типом храма создано более поздней пристройкой галерей и апсиды.

Таким образом, первоначальный храм был результатом развития той же новаторской тенденции, что и одностолпные храмы. Это подтверждается и сходством формы «Хутынского столпа» и отдельных храмов-башен, составляющих пятистолпный комплекс в Дьякове. Позднейшая перестройка этого храма может быть связана с упомянутой выше реакцией на нововведения митрополита Макария.

Аналогичная история произошла и с девятистолпным храмом Покрова, «что на рву», в Москве (рис. 2). Здесь тоже были позже пристроены галереи, связавшие храмы-башни воедино. Кроме того,

¹⁷ В. А. Булкин. Новые данные о каменных постройках Хутынского монастыря и гостиного двора в Новгороде.—Археологические открытия, 1981 г. М., 1983.

¹⁸ Н. И. Новиков. Выдающееся произведение русской архитектуры—церковь в с. Дьяково.—Ежегодник исторического музея за 1960 г. М., 1962.

при некоторых «столпах» на уровне 1-го этажа появились апсиды, нарушившие их центричность. Возможно, что некоторые из них были включены в композицию плана в ходе строительства. В этом случае появление апсид можно понять как признак проявления идеинной борьбы, происходившей во время строительства храма в высших кругах руководства русской церкви.

Таким образом, в развитии идеи строго центрического многопрестольного храма без апсид, в котором отдельные храмы объединялись только общим основанием и пространственной близостью в композиции, можно видеть стремление сохранить их полную независимость в отношении церковного ритуала.

Ясно, что эта идея, исходившая в данном случае от Макария и поддерживавшей его группы духовенства, резко противоречила византийским традициям храмового зодчества. Но откуда шли эти новшества?

История восточно-христианской православной церкви показывает, что для середины XVI в. эти идеи не были новыми. В V веке происходила эволюция христианской идеологии, выразившаяся, в частности, в переносе главного литургического действия в центр храма — под купол¹⁹. Это отразилось на плановой и пространственной структуре сооружений, получивших центрический характер. В результате в VI—VII вв. последовало блестящее развитие центрально-купольных храмов в различных архитектурных школах не только в Византии, но также в Малой Азии, в Сирии и в Закавказье.

Именно в Закавказье, в частности в Армении, разработка типов центрического храма оказалась особенно плодотворной и породила поразительно разнообразные композиции, в том числе с четким выделением крестообразной основы здания²⁰. В центре возвышался объем восьмигранного барабана с куполом или шатром. Выступающие объемы боковых ветвей креста поддерживали центр композиции, угловые части были понижены. Внутреннее пространство оказалось расчлененным на несколько изолированных частей²¹.

В эволюции таких храмов наблюдались две тенденции: одна из них, преобладающая, была направлена к постепенной интеграции внутреннего пространства храма; но существовала и другая тенденция к расчленению внутреннего пространства храма вплоть до образования в его угловых частях самостоятельных центрических же храмов. Таковы храмы в Аване, конец VII в. (рис. 3), в Сиснане, VI—VII вв., храм Рипсимэ, 618 г. (рис. 4) и другие. И хотя в архитектурной школе Закавказья не были созданы композиции с прямой аналогией для русских многостолпных храмов, важно констатировать, что идея центрической композиции с отдельными престолами на одном основании, которая нигде за пределами Закавказья не встречается²², допускалась церковными канонами и появилась несколькими столетиями ранее введения христианства на Русь. Может быть, эта идея, впервые появившаяся в раннем средневековье, вновь всплыла почти через тысячу лет в русском монументальном зодчестве XVI века?

¹⁹ А. Л. Якобсон. Закономерности в развитии средневековой архитектуры. Л., 1985.

²⁰ В. М. Арутюнян. Каменная летопись армянского народа. Ереван, 1985.

²¹ А. Л. Якобсон. Очерк истории зодчества Армении V—XVIII вв. М.—Л., 1956.

²² Там же.

Эта мысль кажется невероятной из-за огромного хронологического разрыва между событиями. Однако учтем следующие обстоятельства. Прежде всего, восточно-христианская церковь в течение этого тысячелетия, при всех местных вариациях, существовала непрерывно, сохраняя относительное единство и преемственность в основах обрядности и, в частности, в канонических формах храмов. В XVI в., когда эти соз-

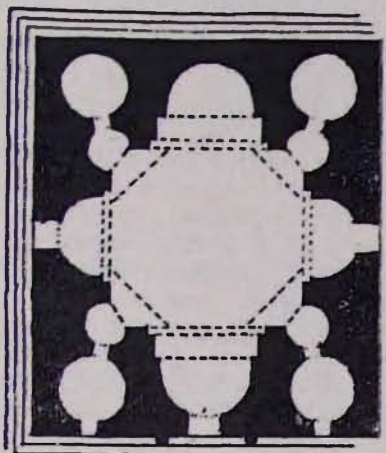

Рис. 3. План храма в Аване, конец VI—начало VII вв.

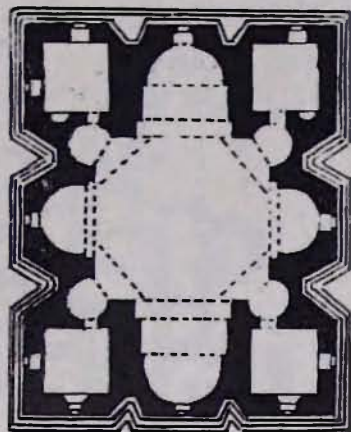

Рис. 4. План храма Рипсимэ. 618 г. Вагаршапат.

данные в Закавказье формы храмов стали каким-то образом известны в Москве, возражения против них могли последовать не с общих позиций восточно-православного христианства, а по соображениям местного характера, исходящим от консервативной части московского духовенства.

Далее, оказывается, что обращение к кавказским традициям монументального зодчества, если оно имело место в XVI в., было не первым случаем такого рода. Известно, что планы первых каменных храмов на Руси отличались от византийских, в узком смысле этого слова, но были подобны церквям Абхазии и Северного Кавказа²³. Значит, использование традиций не византийских школ восточно-христианского зодчества в XVI в., было не только принципиально возможным, но имело прецедент в далеком, но исторически обозримом прошлом.

Какими же путями эти традиции могли проникнуть в русское каменное зодчество XVI в., и почему о них вспомнили именно в это время?

Известно, что еще домонгольская Русь имела разнообразные и прочные торговые, политические и культурные связи с Закавказьем. В то время уже существовали на просторах Руси многочисленные армянские колонии, которые сохранялись и в XVI в., в том числе и в самой Москве²⁴. Известно, что Иван IV в борьбе с Казанским ханством опирался на дружескую поддержку армянских торговых людей, в том числе и непосредственно в битве за Казань²⁵. Очевидно каналы для проникновения армянских влияний имелись.

Вместе с тем, не менее известно, что византийское константинопольское духовенство в последнее, до падения Константинополя, сто-

²³ История русской архитектуры. М., 1956.

²⁴ В. Б. Бархударян. Указ. соч.; О. Х. Халилханян. Армяно-русские культурные отношения... Указ. соч.

²⁵ Н. Н. Воронин. Указ. соч.

летие дискредитировало себя междоусобищами патриархов, оесприципным лавированием между Московским и Польско-Литовским государствами и другими недостойными действиями по отношению к русским. Поэтому период после взятия турками Константинополя, когда русская церковь оказалась перед необходимостью выбора самостоятельного пути, был как раз очень удобным для обращения к историческому опыту восточно-христианских, но не константинопольских, архитектурных школ.

Рис. 5. План подклетов храма Псковска, «что на рву», Москва, 1555—1560 гг.

Вот почему «Хутынский столп» и одна из девяти башен Покровского храма посвящены Григорию Армянскому²³. Возможно, что и структура уникального девятистолпного храма в Москве возникла в результате обращения к канонам, разработанным в архитектурной школе Закавказья. Вероятно, не случайно в плане подклетов знаменательного для русских памятников эпохи, столь явственно просматривается слегка удлиненный прямоугольник единого основания, характерный для закавказских храмов с раздельными престолами (рис. 5).

Суть изложенного касается только планов закавказских и русских сооружений. В объемной композиции и особенно в декоре рассмотренные памятники имеют больше различий, чем сходства. Можно ли говорить об использовании традиций закавказского, в частности, армянского зодчества в русской архитектуре, основываясь на сходстве одних лишь плановых схем? Полагаем, что можно. Одна из особенностей средневекового монументального зодчества и состояла в том, что строение соответствовало определенным канонам требовалось лишь в планах. Конструкции и декор, зависящие от местных традиций и строительных материалов, обычно связанных с народным зодчеством, регламентировались менее строго. Это весьма наглядно проявилось в русском каменном зодчестве, где небольшое количество стандартных византийских церковных планов продержалось с домонгольского периода до XVII—XVIII вв. при самых широких вариациях в объемных формах и в декоре сменявшихся разнообразных местных школ.

Именно поэтому можно предположить, что в середине XVI в., в связи с переносом главного литургического действия в центр—под купол, митрополит Макарий и его единомышленники приняли для строительства храмов древнюю каноническую форму центрического плана. Далее изменения объемно-пространственной композиции и убранство были разработаны талантливыми зодчими, которые за короткий срок создали целую серию беспрецедентных по внешним формам замечательных храмов. Последующие переделки многих центрических храмов в русском зодчестве были связаны с борьбой внутри церкви, в которой возобладали сторонники византийской ритуальной системы. Этим под-

²³ М. А. Пляин. О наименовании приделов собора Василия Блаженного.—В сб.: Новое в археологии. М., 1972.

черкивается решающее значение функциональных традиций в культовом зодчестве.

В заключение заметим, что прогрессивная роль архитектуры раннесредневекового Закавказья, активное проявление которой прослеживается в русском зодчестве не только в домонгольский период, но и XVI веке, раскрыта далеко не полно. Более того, центрические планы, аналогичные разработанным в VI—VII вв. в Армении, применялись в русской архитектуре и в XVII, и даже в XVIII вв. В этот период не исключено проникновение этих форм через Украину. Решение сложных вопросов о канонах и их распространении, вероятно, потребует совместных усилий специалистов по истории архитектуры России, Закавказья, Украины и т. д.

ՌՈՒՍԱԿԱՆ ԵՎ ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՄԻՋՆԱԴԱՐՅԱՆ ՃԱՐՏԱՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ ՓՈԽԱԴԱՐՁ ԿԱՊԵՐԻ ՄԱՍԻՆ

Ջ. Յ. ՍԵՄՅՈՆՈՎԱ (ԽԵԻՆԳՐԱՊ)

Ա Վ Փ Ռ Փ Ռ Վ

Հողվածում փորձ է արվում նոր փաստերի հիման վրա բացահայտել այն ազդեցությունը, որն ունեցել է անդրկովկասյան և հատկապես վաղ միջնադարյան հայկական ճարտարապետությունը ռուսական ոչ միայն նախամոնղոլական, այլև XVI—XVII դդ. ճարտարապետական մշակույթի վրա: Հեղինակի կարծիքով այդ շրջանում ռուսական ճարտարապետության մեջ տեղ գտած կենտրոնազմբեթ հորինվածքները կարող էին ներթափանցել Հայաստանից Ուկրաինայի վրայով, մի հարց, որը հնարավոր է լուծել միայն ռուսական, ուկրաինական և անդրկովկասյան մասնագետների սերտ համագործակցության միջոցով: